

УДК 130.2:316.75

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУРЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д.В. Родичкин, С.В. Буренков

ФГБОУ ВО Московский государственный областной университет, г. Мытищи

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.167

Становление «человека разумного», обладающего сознанием, способностью к труду и членораздельной речи, а также формирование устойчивых общественных отношений одновременно были процессами формирования культуры. Иначе говоря, культура могла зародиться только при условии наличия у индивидов сознания, речи и общественных отношений. Там, где есть люди, их деятельность и отношения, там есть и культура. И в то же время сознание есть, во-первых, результат усвоения индивидом культурных норм, а во-вторых, следствие зарождения и развития естественного языка. Но и сам язык формируется под влиянием культурных традиций, а также развития общественных и межличностных отношений. Целью данной статьи является рассмотрение взаимодействия указанных компонентов духовного производства, а также попытка выделить и понять суть социальных процессов, связанных с формированием единства общества.

Ключевые слова: *сознание, самосознание, язык, культура, общество, нация, единство, идентичность.*

Сознание изначально является продуктом развития человеческого общества и неизбежно предполагает выделение человеком себя как представителя активной деятельной позиции по отношению к внешнему миру. При этом, выделяя себя из окружающего мира объектов и явлений, человек, в то же время, должен в своём сознании вписывать себя в картину этого мира, вырабатывая определённое отношение к нему, что является основой развития самосознания. Впрочем, для осознания самого себя необходимо увидеть себя со стороны, увидеть свой образ, а для этого нужно своеобразное «зеркало», в котором этот образ появится. И даже этих условий недостаточно, поскольку увидеть образ в зеркале и осознать, что этот образ и есть отражение смотрящего – не одно и то же. Чтобы человек узнал себя в «зеркале», нужны определённые формы самосознания, не данные человеку изначально, но которые могут быть им восприняты и усвоены. Эти нормы человек вырабатывает и усваивает, наблюдая себя в метафорическом зеркале человеческого общества. Следовательно, любую жизненную ситуацию человек рассматривает и оценивает, опираясь на усвоенные нормы сознания, в которых отражён и закреплён опыт культуры – нравственный, познавательный, производственный и т. д.

С одной стороны, человеческое «Я» является обобщающей категорией, поскольку каждый субъект, говорящий о себе как о «Я», определяется в качестве индивида. С другой стороны, каждый определённый субъект осмысливается как некто, обладающий совокупностью индивидуальных и неповторимых качеств. Следовательно, «Я» – это не только абстрактная всеобщность самосознания, но и категория единичного. Каждому индивиду присуще «Я», но это «Я» у каждого своё собственное, заключающее в себе тождество всеобщего и единичного.

По Гегелю, самосознание – не одинокая рефлексия сознания, направленного на самое себя, это отношение познающих самих себя индивидов. Следовательно, опыт самосознания не первичен, но появляется как результат такого взаимодействия между субъектами, когда индивид учится видеть себя глазами другого. Таким образом, индивидуация каждого нового субъекта может быть осмыслена как процесс его социализации¹ [17, с. 12–15].

Сознание как специфически человеческая форма осуществления взаимодействия с миром включает в себя два уровня. Первый – формирование «коллективных представлений»², базирующихся на накопленном опыте и культуре и наполняющих содержанием такие социокультурные системы, как мировоззрение, идеология, мораль, наука, искусство и пр. Содержанием перечисленных систем определяется обще-

¹ Акцентируем внимание на том обстоятельстве, что при определённой схожести понятий индивидуации и социализации необходимо помнить и о различиях. «Индивидуация» – одно из ключевых понятий аналитической психологии К.Г. Юнга, означающее естественный процесс психического развития и становления личности в ходе взросления индивида. Указанный процесс условно принято делить на два взаимообусловленных и дополняющих друг друга этапа, первый из которых связан с «инициацией» и адаптацией субъекта к условиям бытия окружающего мира. В свою очередь, социализация – процесс интеграции субъекта в социальную систему посредством усвоения общепринятых ценностей, норм и правил поведения. При этом традиционное деление социализации по типам позволяет в определённой степени сопоставить её с процессом индивидуации. Так, на первичном этапе и социализации, и индивидуации субъект, развиваясь физически и психически, воспринимает базовые культурные и социальные нормы, становясь полноправным членом общества. В общем же случае индивид может многократно проходить процесс социальной адаптации, сталкиваясь с новыми социальными группами и обстоятельствами, что само по себе неразрывно связано со вторым этапом индивидуации – рефлексией и самопознанием. Таким образом, процессы психического и социального развития личности не просто взаимосвязаны, но во многом взаимообусловлены. Совокупный результат указанных процессов – адаптация индивида, связанная с формированием идентичности, и возможность дальнейшего полноценного функционирования в обществе.

² Термин «коллективные представления» был предложен Э. Дюркгеймом для обозначения компонентов системы знаний, мнений и норм поведения, сложившихся в социальном опыте. Это – совокупность символов, идей, традиций, привычек и обычаев, имеющих сходное значение для всех членов социальной общности, вызывающих сходные эмоциональные и интеллектуальные реакции и обеспечивающих единство и солидарность членов данной общности.

ственное сознание. Второй – усвоение содержания коллективных представлений, как общественного достояния, конкретными отдельными индивидами с целью формирования их своеобразного внутреннего мира и индивидуального сознания.

Формирование и усвоение коллективных представлений происходит в процессе практически-преобразовательной деятельности, осуществляя которую, человек формирует «вторую природу», создаёт орудия и средства производства, строит формы общения и социальной организации, что в общем итоге приводит к созиданию культуры. А вместе с формированием культуры на основе разнообразной общественной деятельности неизбежно формируется сознание, связанное с необходимостью закрепления и передачи навыков, способов и норм этой деятельности. И поскольку подобные навыки возникают и формируются в совместной человеческой деятельности, они неизбежно имеют общественную природу, а закрепляющие их формы сознания – социальный характер. Таким образом, индивиды в процессе воспитания и взаимодействия с себе подобными приобщаются к достигнутому обществом типу и уровню культуры, что неизбежно ведёт к усвоению разнообразных коллективных представлений.

Очевидно, что без накопления коллективных представлений развитие индивидуального сознания не представляется возможным, а без взаимодействия индивидов в социуме невозможны развитие, аккумуляция и передача в нормах сознания социокультурного опыта. Однако с ростом накопленного опыта синхронное общение индивидов с целью обмена знаниями не всегда осуществимо. В таком случае для успешной трансляции опыта содержание сознания должно быть объективировано и представлено в предметно-вещественных формах, существующих независимо от конкретных индивидов. Иными словами, появляется возможность диахронного общения, когда информация об опыте, передаваемая между поколениями, будет доступна восприятию человека посредством материальных предметов действительности – зримо, осязаемо.

Всё, что человек, так или иначе, выделяет из мира естественной природы, в том числе и с целью диахронного коммуницирования, относится ко «второй природе». Феномен культуры в таком случае существует как единство объекта культуры, человеческой деятельности, и субъекта, т. е. человека как носителя культуры. Поскольку в любом внешнем выражении проявляется степень развития самого человека, то внешнее и внутреннее, материальное и идеальное, субъективное и объективное в культуре неотделимы друг от друга. Бытие культуры есть бытие человека как субъекта; это созданный им материальный и духовный мир, в их единстве и взаимосвязи.

Культурные нормы усваиваются человеком с момента рождения и получают подкрепление через внерациональные санкции. Р. Инглхарт,

К. Вельцель констатируют: «Воздействие этих санкций связано не с их логичностью: они имеют эмоциональную природу, и потому нарушение норм возбуждает чувство вины и стыда, а это более надёжный регулятор поведения, чем чисто правовые санкции» [11, с. 58]. В.С. Барулин определяет культуру, как «исторически определённый способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, зафиксированный, функционирующий и развивающийся в продуктах материального и духовного труда; в системе социальных норм и ценностей, а также соответствующих организаций и учреждений; в совокупном отношении людей к природе, между собой и к самим себе» [2, с. 172–192].

Появление и развитие культуры, а также сознания, как исключительно человеческого способа познания окружающей действительности, тесно связано с возникновением и развитием языка как средства коммуникации между индивидами. Язык является необходимым инструментом отображения человеком действительности, оказывающим влияние на способ её восприятия и познания и совершенствующимся в процессе этого познания. Язык влияет на уровень абстрактного мышления, на возможность и способы постановки вопросов относительно окружающей действительности и получения ответов на поставленные вопросы. Можно утверждать, что язык – активный фактор формирования картины мира. Язык не только влияет на познание, но и сам является продуктом познания, формируясь и совершенствуясь в процессе познания действительности, как средство адекватного её отображения. Язык неразрывно связан с сознанием, мышлением и действительностью и не может быть понят и использован вне этой связи. И если мир языка – это мир видимых и слышимых явлений, то миры сознания и мозга – это скрытые миры, которые доступны исследованию лишь благодаря посреднической и инструментальной работе языка. С его помощью могут быть приоткрыты скрытая жизнь и секреты сознания и мозга, а также природа связей между ними [19, с. 18]. Язык артикулирует опыт общения с внешним миром.

В то же время исключительно важную роль в возникновении и развитии культуры, в частности языка, особенно на ранних этапах, играли символы и символическое сознание. Значение символов необычайно велико как в истории культуры, так и в современном её состоянии. Все архаические культуры, вся мифология пронизаны символами. Без символа невозможно абстрактное теоретическое мышление, немислимо искусство. Разнообразная интеллектуальная деятельность человека предполагает, а зачастую и требует, существования специальной символики и знаковых систем. Формирование знаковых систем как таковых, в частности естественного языка, имеет существенное значение для динамики развития культуры. Языковые знаки, являясь условными по отношению к обозначаемым феноменам, в конечном счёте определяют процесс познания действительности, что, в свою очередь,

обуславливает возможность появления и развития абстрактного мышления. В таком случае язык – это в значительной мере абстрактная система знаков, тесно связанная с объективной действительностью и бессмысленная вне её.

Полемика о справедливости утверждения приоритета языка перед самосознанием имеет давнюю и обширную историю. Так, Э.Б. де Кондильяк в противовес Д. Локку утверждал, что до возникновения знака «человеку», как и любому другому животному, лишенному средств анализа стремлений и поступков, были присущи лишь бессознательные «инстинктивные движения души». И только с появлением языка возникает возможность анализа, рефлексии и самосознания [12, с. 335]. Подобная позиция принципиально отрицает возможность души пробуждать идеи независимо от условных знаков. Следуя данной традиции, постулируем тот факт, что человеческое мышление всецело зависит от природы и формы языка или его элемента – знака, поскольку «всё то, что представляет наши идеи, есть знак; и всякая система знаков есть язык, если взять это слово в родовом, а не специфическом смысле» [7, с. 232].

Так, языки первобытных людей часто поразительно сложны в грамматическом и богаты в словарном отношении и очень отличаются от привычных для нас современных индоевропейских или семитских языков. Для того чтобы почувствовать нюансы в представлениях человека первобытного общества, чтобы «ухватить» то, как эти представления связываются друг с другом в мифах, рассказах и обрядах, необходимо, следовательно, в совершенстве овладеть духом и тонкостями языка. Менталитеты европейца и носителя первобытной культуры чужды друг другу, разнятся их привычки и средства выражения. Европейец пользуется абстракцией, почти о ней не думая, а его язык сделал для него простые логические операции столь лёгкими, что они не требуют от него усилий. Мысль и язык первобытных народов носят более конкретный характер, их мысль реже возвышается до привычных нам абстракций или логических формул и чаще держится за наблюдаемые образы и ситуации, которые следуют друг за другом согласно таким законам, за которыми нам трудно уследить [13, с. 353–354].

Весьма примечательно определение языка, данное Э. Хобсбаумом. «Национальные языки представляют собой противоположность тому, чем их склонна считать националистическая мифология, т. е. первоосновой национальной культуры и глубочайшим истоком национального самосознания. Обычно это результат попыток построить единый образцовый язык из множества реально существующих в живой речи вариантов, которые низводятся затем до уровня “диалектов”» [18, с. 86]. Перефразируя, скажем, что повседневный, привычный для нас разговорный язык – это идея языка, сконструированная определённо в платоновском смысле и незримо присутствующая во всех прочих опре-

делениях и вариантах. Язык, развиваясь и совершенствуясь, следует за культурой и одновременно способствует её развитию. И.Г. Фихте полагал, что сознание человека, а также его социальная идентичность тесно связаны с языком, поскольку «то, что говорит на одном и том же языке, уже до всякого человеческого искусства связано друг с другом множеством невидимых связей посредством исключительно природы; оно находит понимание внутри себя и способно понимать себя всё яснее, оно принадлежит друг к другу и есть естественно Одно и неразрывное целое» [16, с. 290].

Очевидно, человеческое сознание неразрывно связано с языком и не может функционировать без его посредничества. Следовательно, сознание программируется языком той культуры, к которой он принадлежит; язык в известном смысле творит реальность. У человека формируется «жизненный мир»³, в рамках которого он чувствует себя свободно и комфортно, а все явления становятся объяснимыми. Язык жизненного мира активно формирует мировоззрение индивида и, как правило, идентифицирует его с определённой социальной группой. Следовательно, чем специализированнее жизненный мир индивида, чем уже и беднее его язык, тем обособленнее данный индивид от окружающей действительности и иных социальных групп. Таким образом, язык – необходимое, но не достаточное условие формирования и поддержания единства социума.

Человеческие язык и культура, развиваясь и совершенствуясь в процессе практически-преобразовательной деятельности и коммуникации индивидов, формируют их сознание и самосознание, а также устойчивую картину мира, которые, в свою очередь, требуют выражения накопленного опыта и знаний в практической деятельности и передачи следующим поколениям. Культура – это одновременно и результат, и средство развития личности. Наиболее выдающиеся и значимые продукты духовного производства, будучи оценёнными по достоинству и получив признание, обогащают духовную культуру, которая тем самым выступает ядром духовной жизни общества. Духовная культура, беря начало в общественном бытии, охватывает все его аспекты и активно влияет на все аспекты бытования социума.

Коммуникация, как средство организации и согласования взаимодействия индивидов, представляет собой синхронное общение. В то же время язык, обладая качествами неоднородности и изменчивости, аккумулирует информацию, добытую предшествующими поколениями, и транслирует её грядущим поколениям, осуществляя возможность диахронного общения. Причём информация может передаваться как в уст-

³ Понятие, предложенное Э. Гуссерлем. По сути, жизненный мир – мир повседневного человеческого опыта, не отягощённого никакими научными знаниями.

ной форме от человека к человеку, так и в виде письменных источников или иных предметов материальной культуры.

В контексте рассуждений о возникновении сознания и самосознания нами отмечалось, что самопознание, очевидно, основывается на взаимном признании субъектов, когда ими познано и признано то обстоятельство, что идентичность «Я» возможна благодаря признанию идентичности «Другого». Однако подобное признание возможно лишь при определённых условиях: без некоей общезначимой базовой системы ценностей полноценное взаимодействие субъектов затруднительно, а взаимное признание практически невозможно.

Термин «идентичность», и некоторые иные близкие ему по смыслу, крайне затруднительно свести к единому стройному определению. Обладая достаточно длительной историей существования в западной философии, он имеет существенно противоречивый набор смыслов и в наиболее общем случае фиксирует некую сплочённость и обособленность группы индивидов от общества в целом.

Согласно Р. Брубейкеру, идентичность может быть определена как то, что все люди и группы (во всяком случае, группы определённого типа – например, этнические, расовые или национальные) имеют или должны иметь, а также могут иметь, не зная об этом [5, с. 81–83]. Кроме того, существенное значение имеет различие между самоидентификацией человека и его идентификацией другими людьми. Самоидентификация проходит в диалектическом взаимодействии с идентификацией внешней и зачастую не совпадает с ней [5, с. 93].

Объединяясь в группы и сообщества по тем или иным признакам, индивиды прямо или косвенно заявляют о своих устремлениях и интересах, поскольку любое объединение формируется для достижения определённых целей и удовлетворения потребностей участников. Каждый социум качественно характеризует его членов и позволяет судить о разделяемой ими системе ценностей, идей и взглядов, что, как известно, свидетельствует о наличии идеологии. В таком случае идеологией обладает любая общественная группа, независимо от механизмов идентификации и самоидентификации составляющих её индивидов. Однако без реализации данных процессов, без группирования индивидов по определённым признакам, зарождение и развитие идеологий было бы невозможно. Из вышеизложенного очевидно следует, что идеологии в первую очередь различаются по субъектам, чьи интересы они представляют, впрочем, в ряде случаев идеи и субъекты могут частично или полностью пересекаться.

Таким образом, единство социума возможно при условии единства языка, а также при наличии системы идей и ценностей, выражаемой идеологией и формируемой культурой, присущей данному социуму. Рассматривая механизм формирования единства общества в целом, или, иначе говоря, в масштабах государств, сосредоточим внимание на

идентичности национальной. Однако осмысление особенностей формирования национальной идентичности невозможно без осмысления сути понятия «нация».

Согласно А.Г. Здравомыслову, существует два распространённых подхода к определению нации [10, с. 166–167]:

модернистский, определяющий нацию как политическую общность граждан определённого государства;

примордиалистский, согласно которому нация – этническая общность с единым языком и самосознанием.

Примордиалистский подход к определению нации схож с определением этноса в этой же традиции, а именно: «исторически сложившаяся на определённой территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры», языка и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований. Нация же – более общее понимание этноса, его более высокая степень развития. Однако подобная теория с середины XX столетия утрачивает свою актуальность, так как исторические исследования наглядно показывают, что нации стали образовываться в эпоху раннего Нового времени, т. е. относительно недавно. В данных обстоятельствах весьма проблематично возводить какую-либо нацию к конкретному этносу, более высокой степени развития которого она могла бы являться. Например, французская нация начала формироваться в эпоху Великой французской революции из гасконцев, бургундцев, бретонцев и т. д. – разнообразных по культуре народов, продолжающих существовать и поныне. Кроме того, в подобном подходе кроется смешение понятий нации и этноса и их частичное отождествление, что в корне неверно.

Ю.М. Бородай пишет, что «этнос и нация – вещи, конечно, родственные и вместе с тем принципиально разные», при том, что одним из признаков нации является государственное самоопределение, тогда как этносу для существования не требуется государство [4, с. 315–317]. Этническое единство изначально базируется на самобытных, исторически обусловленных культурных традициях и присущих этой общности особенностях менталитета, а не на искусственных конструкциях государственных юридических норм. Таким образом, на государственное самоопределение способна нация, поскольку она по самой своей сути является не столько полиэтничным образованием, сколько надэтническим, объединяя в себе черты различных этносов [3]. А от этноса, инициировавшего формирование нации и государства, зачастую остаётся лишь этноним и язык – прообраз национального языка.

Приверженцы модернистского подхода утверждают, что нации появляются в истории человечества только в эпоху промышленных революций и с возникновением капиталистических отношений, когда происходит сплочение разнообразных этнических групп, проживающих

на одной территории и говорящих на одном языке, в национальные европейские государства. К. Маркс писал, что в эпоху господства отношений личной зависимости существовали такие общности, которые соответствовали понятию этноса, но с формированием эпохи отношений вещной зависимости начинают формироваться нации [14, с. 100–101], т. е. между этносом и нацией существует определённая связь менее развитой формы организации общества и более развитой. Согласно же Б. Андерсону, нация – «воображённое политическое сообщество» [1, с. 47], так как в умах членов даже самой маленькой нации живёт образ их общности, ограниченной и суверенной, и при этом понятие «нация» стоит «в одном ассоциативном ряду с «родством» и «религией», а не с «либерализмом» или «фашизмом». В целом же идеи, высказываемые Андерсоном, во многом перекликаются с идеями Фридриха Шлегеля, определявшего нацию как единство, основанное на кровном родстве и закреплённое общностью обычаев и языка, а государство как непосредственное выражение народной истории.

В 1806 г. И.Г. Фихте предложил считать определяющей особенностью нации её язык, установив тем самым «естественную» границу негеографического свойства, более важную, чем исторически обусловленное различие народов, и в то же время принимаемую как нечто изначальное. «Без сомнения верно, что повсюду, где встречается особый язык, есть и особая нация, которая имеет право самостоятельно заботиться о своих обстоятельствах и управлять собой; также верным будет и обратное: когда народ перестаёт управлять собой, он обязан также отказаться от своего языка и слиться с одержавшими верх, чтобы возникло единство, а внутренний мир и отношения, которых больше нет, должны быть преданы забвению» [16, с. 282]. Впрочем, Фихте в своих рассуждениях, по сути, следует за идеями Данте, автора «Божественной комедии», который в своё время стремился открыть национальный язык, сочетающий в себе одновременно ясность, простоту и способность к наилучшему поэтическому выражению образов [6, с. 270–304].

В то же время Эрнест Ренан предложил иной подход к вопросу определения сути нации. В его докладе, прочитанном в 1882 г. в Сорбонне, язык хотя и выделяется как один из факторов, определяющих нацию, лишается главенствующих позиций, поскольку «язык приглашает соединиться, но не принуждает к этому». Среди прочих возможных оснований нации рассматриваются раса, религия, общность интересов, географическое положение и военные потребности, но всего этого, по мнению Э. Ренана, не достаточно: «Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся, в сущности, одною, составляют эту душу. <...> Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделённым наследством» [15, с. 87–101]. А кроме того, именно у Э. Ренана видим основы тех идей, что впослед-

ствии развил Б. Андерсон, который писал: «Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея. Иметь общую славу в прошлом, общие желания в будущем, совершить вместе великие поступки, желать их и в будущем – вот главные условия для того, чтобы быть народом» [1, с. 100]. Таким образом, взаимосвязь языка, коллективных представлений, а также исторического и культурного наследия народа являются обязательными условиями его единства. Однако индивиды должны быть не просто осведомлены о событиях прошлого и культурном наследии, но и должны его схожим образом воспринимать и транслировать, поскольку противоречия интерпретаций ведут к разобщению.

В последней четверти XX в. произошло существенное смещение акцентов в социальных науках, касающихся изучения наций и национальных идентичностей. Конструктивистский взгляд на данную проблему стал преобладающим вследствие распада СССР и Восточного блока в 1990-х, а также признания ряда субнациональных единиц в Западной Европе, породивших волну переопределения национальных границ. Вполне закономерно, что национальная идентичность начала интерпретироваться как нечто текучее и отчасти произвольное. Однако, невзирая на тенденцию исследователей рассматривать стремление людей к национальной самоидентификации как мифотворчество, связанное с периодическим пересмотром и реконструкцией прошлого, глубокая убежденность граждан в реальности национальной идентичности, связанной с рождением, детством и остающейся почти неизменной на протяжении всей жизни, никуда не исчезла [8, с. 517]. И как писал Эрнест Геллнер, «национализм не является ни общезначимым и необходимым, ни второстепенным и случайным плодом трудов праздных шелкопёров и легковёрных читателей. Он представляет собой неизбежное следствие или коррелят определённых социальных условий. <...> Но, с другой стороны, глубокие причины, вызывающие его, встречаются не везде, а потому национализм не является судьбой всего человечества» [20, р. 10–11].

В любом случае с формированием нации влияние этнических характеристик на мышление и особенности поведения её представителей не исчезает, поскольку нация, как и этнос, – социальная общность людей, обладающих конкретной ментальностью, языком и культурными традициями. Разного рода ценностные установки возникают и развиваются в тесной связи с той культурной средой, в которой воспитывается человек. В процессе развития и формирования личности человек усваивает символы, идеи, традиции, привычки и обычаи, имеющие сходное значение для всех членов этноса. Э. Дюркгейм полагал, что «общество есть синтез человеческих сознаний», а религия выполняет интегрирующую, регулирующую и организующую роль в обществе [9, с. 225]. Общество – одновременно и субъект, и объект религиозного культа и дог-

матов; оно и бог, и верующий одновременно. Впрочем, схожим образом можно рассуждать и об идеологии: общество, претворяя в жизнь идеи, постулируемые идеологией, с течением времени реформирует и само себя, и свою идеологию. На уровне индивида приверженность определённой идеологии, а следовательно, и принадлежность определённой социальной общности (иначе говоря, идентичность), разделяющей эту идеологию, способствует возникновению чувства единства, уверенности и социального благополучия, в той же мере, что и принадлежность к определённой этнической группе и религиозной конфессии.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы развития самосознания и речи, способности к труду и социальным взаимодействиям, влекущие за собой развитие культуры во всех её формах и проявлениях, одновременно являются причиной и следствием существования общества. Индивид, развиваясь в отрыве от социума, не способен к рефлексии, лишён источника культурного опыта и коллективных представлений, являющихся необходимым основанием формирования личности. В то же время группирование по родовому признаку, по признаку общности языка, интересов и потребностей, равно как и по любым другим возможным признакам, способствует стабильному развитию и благополучию как общества в целом, так и составляющих его индивидов. Духовное развитие индивида, происходящее в непосредственном контакте с духовной сферой общества, всё многообразие общественных форм и социальных отношений – результат развития общества, следствие единства личностей, объединившихся в стремлении к удовлетворению общих потребностей и достижению общих целей.

Список литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева под ред. С.П. Баньковской; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Барулин В.С. Социальная философия: в 2 ч. М.: Изд-во МГУ, 1993. Ч. 1. 334 с.
3. Бородай Ю.М. Пути становления национального единства // Наш современник. 1995. № 1. С. 112–132.
4. Бородай Ю.М. Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. 416 с.
5. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
6. Данте А. О народном красноречии // Данте А. Малые произведения. М.: Наука, 1968. 652 с.
7. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеологии в собственном смысле слова / пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2013. 334 с.

8. Джозеф Д. Язык и национальная идентичность. Логос 1991 – 2005 // Избранное: в 2 т. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. Т. 1. 696 с.
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения: антология / пер. с англ., нем., фр. / сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. 432 с.
10. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект Пресс, 1996. 286 с.
11. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
12. Кондильяк Э. Сочинения: в 3 т. / пер. с франц.; общ. ред. и примеч. В.М. Богуславского. М.: Мысль, 1982. Т. 2. 541 с.
13. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет / пер. с франц. Е. Кальщикова. СПб.: Европейский Дом, 2002. 400 с.
14. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов. Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 55 т. / 2-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 46, ч. 1. 559 с.
15. Ренан Э. Что такое нация? // Собр. соч.: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского. Киев: Б.К. Фукс, 1902. Т. 6. С. 87–101.
16. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации / пер. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
17. Хабермас Ю. Наука и техника как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007. 208 с.
18. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / пер. с англ. А.А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
19. Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты / под ред. И.Т. Касавина. М.: Альфа-М, 2013. 480 с.
20. Gellner E. Nationalism. London: Weidenfeld & Nicolson, 1997. 119 p.

THE QUESTION OF THE INFLUENCE OF CULTURE ON THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

D.V. Rodichkin, S.V. Burenkov

Moscow Region State University, Moscow

The formation of a «homo sapiens» with consciousness, the ability to work and articulate speech, as well as the formation of stable social relations, were simultaneously processes of culture formation. In other words, culture could arise only under condition of presence of the individuals mind, speech and public relations. Where there are people, their activities and relationships, there is also culture. At the same time, consciousness is, first and foremost, the result of the individual's assimilation of cultural norms, and then, the consequence of the birth and development of natural language. But the language itself is formed under the influence of cultural traditions, as well as the development of social and interpersonal relations. The purpose of this article is to

consider the interaction of these components of spiritual production, as well as an attempt to identify and understand the essence of social processes associated with the formation of the unity of society.

Keywords: *consciousness, self-awareness, language, culture, society, nation, unity, identity.*

Об авторах:

РОДИЧКИН Дмитрий Викторович – аспирант кафедры философии, ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Московская обл., г. Мытищи. E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru

БУРЕНКОВ Сергей Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии ГОУ ВО МО «Московский государственный областной университет», Московская обл., г. Мытищи. E-mail: sergeivburenkov@gmail.com

Authors information:

RODICHKIN Dmitriy Viktorovich – PhD student of philosophy Dept., Moscow Region State University, Mitischy. E-mail: rodichkin.dmitriy@yandex.ru

BURENKOV Sergey Vladimirovich – PhD (Philosophy Sciences), Ass. Prof. of philosophy Dept., Moscow Region State University, Mitischy. E-mail: sergeivburenkov@gmail.com